

*Мне думается, каждый из нас
прав, а все остальные — мошенники.*

Уильям Теккерей,
«Ярмарка тщеславия»

...Стоя перед очередной незнакомой дверью, с пальцем, неуверенно поднесенным к звонку, каждый из нас делает для себя маленький выбор — уйти или все-таки позвонить? На самом деле выбор может оказаться важнее, ведь мы, задержавшись на перекрестке, ищем путь, которым двинемся дальше. И смутно чувствуем это, и сомневаемся, и все-таки звоним. Тот, кто скрывается за дверью, услышав неожиданный звонок, тоже решает вопрос — отпереть или притвориться, что никого нет дома? И колеблется, и боится, но все-таки отпирает. Мы оба выбрали нашу встречу, и вот стоим лицом к лицу, и вернуться на перекресток уже нельзя...

Глава 1

— Ну что же ты? — нетерпеливо спросил мужчина и, слегка отстранив жену, сам нажал кнопку. — Чертовски холодно!

По лестнице в самом деле гуляли ледяные сквозняки. В разбитое окно на площадке сыпалась сухая снежная крупа, на подоконнике уже лежал тонкий слой снега. Октябрьская метель поднялась неожиданно, будто вызванная колдовским заклинанием, и они оба замерзли в легких куртках, с непокрытыми головами. Правда, все это случилось уже на подходе к дому.

— Да? — послышалось из-за двустворчатой деревянной двери, когда-то выкрашенной в красно-бурый цвет.

Мужчина громко представился, и одна из створок приоткрылась.

— Разве это вы звонили? — недоверчиво протянула хозяйка. — Вроде голос по телефону был другой.

— Нет, звонила жена, — и он слегка подтолкнул Лиду вперед. — Она немного простужена, охрипла...

— Так входите, дует, — неожиданно нетерпеливо пригласили их.

Прием был не слишком радушный, но молодая пара уже не первый год скиталась по съемным квартирам и привыкла к нравам и манерам хозяев. Недоверчивость

была еще не самой худшей чертой. Лида могла бы поклясться, что однажды ее попросту обокрали. После переезда с той несчастливой квартиры выяснилось, что исчезла ее куртка на меху и серебряный браслет. Правда, она не смогла бы указать виновного и потому смолчала. Алексей однажды переночевал в милиции из-за того, что поспорил с соседкой по коммуналке, а прописки у него к тому времени уже не было. Из отделения его вызволяла хозяйка комнаты — непрерывно плачущая и удивительно ловко лгушая старушка. Только ее ложь и помогла избежать штрафа: было придумано, что незаконный гость — ее внучатый племянник из Ростова, на которого она собралась составить завещание. Словом, неприятных приключений хватало, и потому Лида, следуя по темному, захламленному коридору, с бьющимся сердцем гадала, что их ждет. Если они поселятся здесь, конечно...

— Вот ваша комната, — и хозяйка с силой толкнула рассохшуюся дверь почти в самом конце коридора.

Лида успела отметить, что та уже произносит «ваша», хотя они еще ничего не видели... И вдруг почувствовала нечто вроде легкого головокружения.

Комната была прекрасна! После запущенной лестницы и грязноватой прихожей она являла такой контраст, что в первый момент Лида даже не нашла, что сказать. Она обвела взглядом стены, оклеенные свежими персиковыми обоями, безупречно белый высокий потолок с лепниной, широкую новую кровать (о, эти продавленные диванчики, от которых по утрам болел позвоночник, визгливые панцирные сетки, древние топчаны и раскладушки!). Алексей с тем же оцепенелым видом разглядывал круглый стол под чистой скатертью,

ЛЮБОВЬ ХОЛОДНЕЕ СМЕРТИ

вместительный старинный шкаф с зеркальной дверью, и вот диво — современный холодильник в углу! Тот, который у них был на последней квартире, приходилось размораживать с помощью молотка и зубила...

Хозяйка тем временем подошла к окну, с помощью костяного крючка раздвинула уходящие в поднебесье шторы и велела (именно велела) оценить вид.

— Окна в сквер! — сказала она. — Тихо, зелено, южная сторона.

«Мы эту комнату не осилим, — лихорадочно соображала Лида. — Чудес не бывает, потому что... Да потому, что не бывает».

— Сколько? — спросила она еще более охрипшим голосом.

Но хозяйка все-таки ее услышала. Она снова миновала оцепеневшую посреди комнаты пару, зажгла свет и с достоинством назвала цифру.

— Сто долларов?! — прохрипела Лида, окончательно теряя почву под ногами. — Всего сто?!

— Коммунальные услуги оплачиваются отдельно, само собой, — поправила ее хозяйка. — У вас личный счетчик в коридоре, ну а плата за телефон и квартиру будет пополам.

— Мы берем эту комнату, — быстро сказал Алексей. — Сегодня же переедем. Можно?

— Она свободна, отчего же нельзя. Задаток за два месяца вперед, и можете перевозить вещи, — ответила та, все с тем же достойным видом поправляя на груди кружева ночной рубашки, выбивающиеся из-под халата. Ее оплывшее, но все еще красивое лицо — маска спившейся Элизабет Тейлор — казалось заспанным, хотя давно перевалило за полдень.

Алексей торопливо достал деньги и пригласил хозяйку к окну — рассчитаться. Они склонились над маленьким письменным столиком в углу и произвели расчет. «Лиз Тейлор» привычно черкнула расписку и осведомилась об именах постояльцев.

— А меня зовут Вера Сергеевна, — представилась она. — Но учтите — комната у меня без регистрации.

— О, нам не нужно!

— Тогда еще лучше. Можно взглянуть на паспорта? Я вас беру с улицы, так что...

Она мельком, словно не особенно интересуясь, перелистала странички двух книжечек и вернула их владельцам с несколько лукавым видом. «Выяснила, что мы не женаты официально», — подумала Лида. Но это ее уже несколько не коробило — она успела привыкнуть к таким лукавым взглядам.

— Значит, с сегодняшнего дня и переедем, — суетился Алексей. — За пару дней управимся, как думаешь, Лида?

Они встретились взглядами. «Я не верю этому, — говорили глаза жены. — Такого быть не может». «Но ты же видишь, все в порядке!» — сияли его глаза.

— Условий у меня немного и все простые, — говорила тем временем Вера Сергеевна, слегка шурша в кармане купюрами. — Музыка по ночам не включать, гостей ночевать не оставлять, чистить за собой ванну, раковину и унитаз, если испачкаете... Плиту, если зальете, тоже, разумеется. Плита у меня одна, но конфорки четыре, думаю, не подеремся.

— Да нет конечно, что вы! — поддакивал Алексей.

— Ну, что еще? — нахмурилась хозяйка. — Помойное ведро, уж будьте добры, заведите свое. Если нет, я выдам, у меня в чулане отыщется лишнее.

ЛЮБОВЬ ХОЛОДНЕЕ СМЕРТИ

Она говорила еще что-то, а у Лиды в голове эхом отдавались требования прежних квартирных хозяев: «Никакой музыки, никаких гостей, мыть полы в прихожей каждые два дня, выносить ИХ мусорные ведра, помогать делать уроки ИХ детям...» Иногда все это высказывалось прямо, иногда маскировалось под просьбу, особенно если хозяева были стары...

— Разумеется, — сказала она, когда Вера Сергеевна смолкла. И снова поразилась, до чего та смахивает на спившуюся Лиз Тейлор — даже черные крашенные волосы торчат такими же жесткими, разлохмаченными прядями. — Нам все-все подходит. Вот только...

— Да? — насторожилась та.

Молодые люди переглянулись и почти в один голос сказали:

— Машинка.

— Стиральная? Можете стирать в моей, если желаете, — повела плечом хозяйка.

— Нет, пишущая, — поспешил объяснить Алексей. — У Лиды пишущая машинка, и иногда по ночам она...

Та даже не дала ему закончить фразу. Махнув пухлой рукой, хозяйка заявила, что у нее сто раз жили студенты и аспиранты, и все, как один, стучали по ночам на машинках. И вообще, она против таких звуков ничего не имеет. А вот музыка, да еще громкая, вызывает у нее аллергию. Ей клятвенно пообещали, что музыки не будет ни громкой, ни тихой, и Вера Сергеевна, вручив квартирантам ключи, удалилась.

Они остались одни, все еще недоверчиво осматривая комнату.

— Чур, это будет мой столик, — бросилась Лида к окну, поглаживая старую обивку стола из черной клеенки. — Кажется, не расшатан... И ящики открываются... Чудо!

— А там будем обедать, — Алеша попробовал на прочность круглый стол. Тот не поддался — стоял, как прибитый гвоздями. — Надо же! Мебель в полном порядке! А ты помнишь тот стол...

— А ты...

Они одновременно начали эту фразу, замолчали и вдруг начали смеяться. Потихоньку, чтобы не услышала хозяйка. О здешней акустике они пока не знали ничего.

Эти тайны еще предстояло раскрыть, но им хотелось смеяться и потому они делали это шепотом.

— Неужели может так повезти? — прошептала Лида, стараясь справиться со смехом, от которого еще сильнее сдавливало больное горло. — Ведь это случайность, невероятная случайность!

И в самом деле, они нашли комнату случайно. Вчера, возвращаясь от жившей неподалеку подруги с одолженными книгами, Лида решила пройтись до метро пешком. Она слегка заплутала, углубившись в переулки, и в конце концов оказалась в совершенно незнакомом месте. Спросила дорогу — оказалось, что метро совсем рядом. Лида успокоилась и по привычке остановилась возле доски с объявлениями, на краю пустого осеннего сквера. Читать объявления вошло у нее в обычай с тех пор, как они начали скитаться. Обращаться в агентства им было не по карману — жаль платить комиссионные посредникам. Комнаты искали через знакомых, а если не везло — то как придется.

ЛЮБОВЬ ХОЛОДНЕЕ СМЕРТИ

А новая комната была срочно необходима молодой паре. Со старой их не гнали, ни в коем случае — для хозяйки такие безответные жильцы были настоящей находкой. Но они сами были бы рады уйти от кухонных склок, цыганящей лишние деньги старухи и щелистого окна, из которого так дуло, что Лида простужалась уже в третий раз за эту осень, хотя настоящих холодов еще не было.

Она внимательно прочла все предлагавшиеся варианты. Подходящих было всего два — в остальных рекламировались квартиры. Одна комната (восемь метров, еще два соседа, двадцать минут автобусом до метро) вызвала у нее большие сомнения. Хотя наверняка очень дешево, но тесно и далековато, да и работать там, скорее всего, будет невозможно. Вторая комната — двадцатиметровая, с полной обстановкой и одной хозяйкой — была бы идеальна, но... «Скорее всего, окажется не по карману, — рассчитывала Лида. — От метро пять минут, и это будет стоить никак не меньше ста пятидесяти долларов... Цены опять выросли! Да к тому же комната наверняка уже сдана. Я сорвала самый последний квиток...»

Созвонились с хозяйкой, и выяснилось, что жильё все еще свободно. Та не отрицала, что ищет жильцов, но комнату почему-то не расхваливала, о прописке не спросила, цену не назвала... Говорила как-то уклончиво, назвала только адрес, время и просила прийти точно — она-де будет очень занята. Назавтра отправились смотреть, почти безо всякой надежды и вот...

— За нашу прежнюю мы платили сто двадцать, — восхищалась Лида. — Но ведь никакого сравнения быть не может!

— Еще бы — четыре соседа, кухня страшная, тараканы по ночам с потолка падают! Один диван чего стоит! Это же орудие инквизиции!

Оба покачали головами. Диван был так бессовестно мал, что сдавать его «молодой паре» могла только древняя старушка, давно забывшая о том, что значит спать вдвоем.

— И что мы ей скажем? — пробормотала Лида, имея в виду прежнюю хозяйку.

— Ничего. Просто переедем. Кстати, и месяц закончивается. Хорошо, что не заплатили вперед!

— Она бы ни за что не вернула деньги!

Переезжать начали в тот же день. Не поспешили даже на такси, чтобы перевезти самые громоздкие коробки. Остальные вещи Алеша вызвался отвезти завтра наземным транспортом, в сумках.

— Сделаю несколько рейсов и все, — радостно говорил он, усаживая Лиду на переднее сиденье. — Когда ты вернешься из института, все уже будет на местах.

— А старушка расстроилась, — задумчиво заметила она, когда машина тронулась с места. — Я впервые узнала, как она к нам привязалась.

— В таком случае она с удивительной твердостью это скрывала! Когда эта мегера вчера орала на тебя за сдвинутый тазик в ванной, то ни расстроенной, ни привязчивой не выглядела, — возразил Алеша.

Лида промолчала. Ей не хотелось обсуждать такие личные мелочи при таксисте. Муж тоже замолчал. Он сидел сзади, бережно устроив на коленях пишущую машинку и придерживая съезжавшие с сиденья сумки. Девушка смотрела в окно. Да, вариант был найден чудесный, и хозяйка — по крайней мере пока — каза-

ЛЮБОВЬ ХОЛОДНЕЕ СМЕРТИ

лась весьма миролюбивой. «Странно, — подумалось ей, — почему же комната не досталась тем, кто звонил до меня? Объявление висело не первый день, некоторые буквы растеклись от дождя. Может быть, Вера Сергеевна разборчива, а мы ей понравились больше остальных?»

Но так или иначе, теперь у нее был столик у окна в сквер, лампа на столике, возможность работать по ночам, выспавшись после долгих лекций. Алеше стук машинки не мешал — он уверял, что даже лучше засыпает, когда рядом кто-то шумит. Это-де привычно ему с детства и напоминает родимый дом. Значит, несколько часов в сутки, ночью, ей будет казаться, что она совершенно одна. Это было необходимо... Глоток одиночества, минута тишины — кто может оценить это сокровище лучше вечных скитальцев по съемным комнатам, где они всегда у кого-то на глазах!

— Теперь куда? — впервые прервал молчание таксист.

— Вот этот поворот, — быстро ответил Алеша.

Все еще буйствовала метель, но к вечеру заметно потеплело. Пушистый снег, касаясь земли, тут же таял, и, выйдя из машины, они пошли к подъезду, оставляя на снегу четкие черные следы. Дверь Лида отпирала уже сама.

* * *

Вера Сергеевна к их возвращению переделалась и даже, как показалось Лиде, подкрасилась. Теперь, в розовых брючках и белом свитере, дама выглядела еще эффектней. И если при первой встрече Лида дала ей